

Теоретико-методологические проблемы исследования современного глобального кризиса

Аннотация

Современное состояние глобальной капиталистической экономики характеризуется термином “кризис”. Он связан с представлением о некоем поворотном пункте, свидетельствующем о невозможности для общественной системы продолжать предшествующее существование и необходимость пережить более или менее фундаментальное изменение. Однако термин “кризис” является многозначным. Это порождает значительный элемент неопределенности, затрудняющий его использование для объяснения и понимания значения, масштабов и последствий тех проблем, с которыми в настоящее время сталкивается мировая капиталистическая система. Многозначность термина “экономический кризис” ставит проблему типологизации и определения характера современного глобального финансово-экономического кризиса, его масштаба и глобальных последствий. Для решения этой проблемы предлагается использовать методологию исследования долгосрочной исторической конъюнктуры. Источником идеи долгосрочного исторического конъюнктурного подхода являются работы Ф.Броделя и И.Валлерстайна. Известны также многочисленные примеры использования конъюнктурного подхода в марксистском социально-политическом анализе исторических ситуаций, марксистской теории международных отношений и международной политической экономии.

Ключевые слова: *глобальный кризис, капитализм, долгосрочная историческая конъюнктура, историческая система, К.Маркс, Ф.Бродель, И.Валлерстайн*

Для характеристики текущего состояния современной глобальной капиталистической экономики используется термин “кризис”. Его употребление предполагает, что состояние это особенное, прерывающее нить ее предшествующего плавного постепенного развития и побуждающее к изменению. Следовательно, с термином “кризис” связано представление о некоем

поворотном пункте, суть которого сводится к невозможности для общественной системы продолжать предшествующее существование и необходимости, под угрозой возможного распада, пережить более или менее значительное изменение, которое позволит заново установить “нормальные” условия ее воспроизводства или же приобрести новое качество. Представление о возникновении в системе новых условий и явлений, угрожающих прежнему способу ее функционирования или существования, и необходимости отыскать способы их преодоления и возобновления функционирования, воспроизводства и развития системы соотносится с изначальным смыслом древнегреческого слова “кризис”, означавшего решение, исход.

Вместе с тем многозначность и многосмысленность термина “кризис” даже в рамках одной современной экономической науки порождает неопределенность, затрудняющую его использование для объяснения и понимания значимости, масштабов и последствий тех проблем, с которыми в настоящее время сталкивается мировая капиталистическая система (МКС) [Wallerstein, 1988]. Кризис может означать такое нарушение условий капиталистического воспроизводства и функционирования капиталистической системы, которое само является регулярно возникающим феноменом, элементом “нормальной” модели ее функционирования, предполагаемой в качестве способа разрешения ее краткосрочных и среднесрочных противоречий. Такие кризисы (рецессии) являются одной из фаз экономического или делового цикла и происходят периодически. В экономической науке выделено несколько разновидностей кратко- и среднесрочных периодических экономических колебаний от циклов Китчина и Жугляра продолжительностью, соответственно, 3–4 года и 7–11 лет до интерциклов Лабруса (около 10 лет), строительных циклов Кузнеца (около 20 лет) и длинных волн Кондратьева продолжительностью 48–60 лет [Wallerstein, 1984].

Однако кризис может означать и явление более существенное, связанное с невозможностью продолжения движения по определенному пути развития капитализма или исчерпанием действенности преобладающей модели капиталистического развития, определяющей данную стадию развития капитализма. В данном случае невозможность обуславливается тем, что в силу системных противоречий капитализма и внутренней противоречивости конкретной исторической формы капитализма (которая является формой преодоления его системных противоречий в конкретных исторических условиях), а также вследствие изменения социальных, экономических и политических условий существующая система политических, экономических и социальных институтов перестает обеспечивать благоприятную среду для капиталистического воспроизводства и накопления капитала. В результате возникает то, что можно обозначить термином “структурный кризис капиталистического воспроизводства”, понимая под этим кризис определенной институциональной формы или исторической структуры, которую капитализм как система принял в данное время в данном историческом пространстве. Кризис, сопровождающийся ростом социальных конфликтов, в ходе которых различные социальные классы и группы ведут борьбу за выбор направления институциональных изменений, разрешается посредством внутрисистемного метаморфоза, то есть масштабной перестройки капиталистической системы, перехода к новой исторической структуре капитализма, обеспечивающей возможность ее дальнейшего расширенного воспроизводства и выход капитализма на новый путь развития.

В экономической науке, экономической истории и исторической социологии разработан ряд подходов, теоретизирующих данную разновидность кризисов. К ним относится школа регулирования (М.Аглиетта, А.Липетц, Р.Буайе, Б.Джессоп и др.), которая связывает определенные стадии в развитии капитализма с существованием определенных режимов накопления капитала [Aglietta, 1978, 1982, 1998; Jessop, 1990; Brenner, 1990; Davis, 1978]. Идейным источником парижской школы регулирования стал предложенный А.Грамши анализ системы производственных методов, внедряемых в промышленности США в 1920-х годах и известных как фордизм [Грамши, 1959]. Исходя из грамшистского понимания фордизма, школа регулирования рассматривает капитализм как систему, функционирование которой требует определенных общественных институтов. Иначе говоря, капитализм должен быть встроен в регуляторную среду, способствующую процессу накопления капитала. Поскольку капитализм представляет собой систему общественных отношений, подверженную изменениям, его морфология, то есть сложная структура, может быть описана в понятиях структурных форм, кризисов и регулирования. Структурные формы представляют собой возникшие как продукт классово-борьбы относительно интегрированные институциональные комплексы, обеспечивающие воспроизводство капиталистических частнособственнических отношений (формы денег, отношений между трудом и капиталом, капиталистической конкуренции, государства, международных экономических режимов). Таким образом, они выступают историческими формами существования отношений производства, подчиненных закону накопления, и способом их регулирования. Смена структурных форм при капитализме происходит в форме структурных кризисов, которые являются “творческими разрывами” преемственности, непрерывности воспроизводства общественных отношений и ведут к их перестройке в новых формах — новых режимах накопления капитала. Последние представляют собой комбинации определенного “способа накопления”, то есть способа организации производственного процесса (например, после Второй мировой войны таким способом стал фордизм) и модели распределения и потребления, основанных на производственной системе определенного типа. Тот или иной способ накопления требует определенных институтов, образующих “способ регулирования” — общественную среду производства, или ансамбль “структурных форм”, регуляторных институтов, норм и практик на уровне общества в целом, включая формы регулирования отношений между капиталом и трудом, между промышленным и финансовым капиталом, между капиталом и государством, между капиталистическими государствами. Таким образом, фордизм как режим накопления представляет собой не просто характеристику производственных процессов (как у Грамши), а сложную историческую структуру, характеризующую фазу капиталистического развития. Обеспечивая эффективное регулирование отношений и конфликтов между указанными элементами, режим накопления создает условия для быстрого экономического роста, а также социальной и экономической стабильности. Однако постепенно противоречия режима накопления, достигнув определенной точки, резко обостряются, что ведет к падению прибыльности, производительности и экономического роста. В итоге существующий режим накопления распадается. С точки зрения данной школы, именно конструирование теории специфических способов регулирования дает четкую периодизацию истории капитала в соответствии с

его внутренней логикой. Эта периодизация осуществляется на материале экономической истории США как референтной модели всех современных капиталистических стран и идеальном типе, наилучшим образом подходящем для изучения “общих законов, управляющих воспроизводством определенных структур капитализма” [Davis, 1978: p. 210]. По мнению М.Аглиетты, история промышленного капитализма США включает такие периоды:

- 1846–1873 — период быстрого накопления структурных предпосылок доминирования промышленного капитализма;
- 1873–1919 — период формирования базовой промышленной инфраструктуры;
- 1919–1945 — период структурного кризиса и далеко идущих трансформаций в процессе труда и сфере потребления рабочего класса;
- 1945–1966 — новая модель накопления и регулирования, основанная на ускоренных технологических изменениях и планируемом потреблении;
- 1966 — начало новой эпохи структурного кризиса.

В основе этой периодизации лежит выделение в экономическом развитии США со второй половины XIX века двух систем регулирования — *экстенсивного режима накопления* в 1873–1919 годах, когда преобладающим способом эксплуатации было присвоение абсолютной прибавочной стоимости, и *интенсивного, фордистского, режима накопления* 1945–1966 годов, когда преобладает присвоение относительной прибавочной стоимости [Aglietta, 1978, 1982]. Фордизм представляет собой исторический способ разрешения противоречий, порождаемых экстенсивным режимом накопления, однако он не устраняет имманентных противоречий процесса накопления как такового. Он только замещает эти противоречия новыми структурными формами, направляя классовую борьбу в новые сферы. Структурные противоречия, присущие фордизму, ведут к новому структурному кризису. Структурный кризис не является ни конъюнктурным спадом, ни окончательным крахом капитализма. Это органический кризис капитализма, разрешение которого требует перестройки общественных институтов, регулирующих накопление капитала, и нового компромисса внутри и между классами.

Школа регулирования, как и ее американский аналог — школа общественных структур накопления (Д.Гордон, Д.Котц, Т.Вейскопф, Д.Макдоноу, М.Вольфсон, В.Липпит и др.), связывает стадии капиталистического развития с длинными волнами экономического развития. С точки зрения школы общественных структур накопления (ОСН) каждая стадия развития капитализма характеризуется совокупностью социальных, политических и экономических институтов, образующих общественную структуру накопления, в рамках которой обеспечивается благоприятная среда процесса капиталистического накопления [Gordon, 1988, 1991; Kotz, 2003, 2009, 2010; McDonough, 2011]. Как и в случае с режимами накопления, в силу того, что само развитие капитализма как классовой и эксплуататорской формы общества разрушает институциональные комплексы, возникшие как средство разрешения проблем капиталистического воспроизводства, ОСН утрачивают свою функциональность. Происходящие изменения (в технологиях, процессах производства и труда, моделях социально-классовых отношений) подрывают эффективность существующей модели накопления и требуют преобразования институтов, чтобы капиталистическое воспроизводство могло продолжаться.

В развитии капитализма школа ОСН смогла идентифицировать начинающая с последней трети XIX века несколько стадий. Исходя из идей К.Поланьи, в частности его концепции двойного движения, представители школы полагали, что в процессе развития капитализма происходит чередование либеральных и регуляционистских институциональных структур. Свои обобщения они также основывали на фактах экономической истории США. В соответствии с разработанной ими теоретической схемой, период с середины до конца XIX века рассматривается как фаза конкурентной ОСН или либеральной институциональной структуры. Ее существенные признаки состоят в том, что рыночная структура характеризуется преобладанием фирм небольшого и среднего размера, находящихся в отношениях жесткой конкуренции, государство играет ограниченную роль в регулировании экономики, капитал занимает агрессивную позицию по отношению к рабочему классу и не склонен к компромиссам, а доминирующей идеологией является классический либерализм *laissez faire*. Представители школы расходятся в понимании конкретных причин, разрушивших эту, конкурентную ОСН. Кризис ее (1865–1898) был разрешен посредством создания новой, монополистической ОСН, характеризуемой олигополистической структурой рыночных отношений, слабыми профсоюзами, империалистической экспансией США в Латинской Америке и Азии и созданием Федеральной резервной системы (ФРС США). Конец этой ОСН положила Великая депрессия 1929–1933 годов. Некоторые представители школы ОСН рассматривают 1898–1945 годы как период существования умеренно регуляторного режима, кризис которого и переход к новой ОСН длился с начала Великой депрессии до окончания Второй мировой войны [McDonough, 2011]. Другие делят период 1900–1930 на две фазы. Первая связана с регуляторной институциональной структурой Прогрессивной эры (1900–1916), которая характеризовалась расширением экономической роли государства, принятием антимонополистического законодательства и регулированием финансового сектора и стремлением крупного капитала к вовлечению Американской федерации труда в сотрудничество с ним [Kotz, 2003, 2009, 2010]. Этот период завершился вступлением США в Первую мировую войну. Следующая фаза охватывает время либеральной институциональной структуры 1920-х годов, когда государственное регулирование экономики существенно ослабло, капитал отбросил рабочий класс с позиций, приобретенных им в годы Первой мировой войны, а в общественном сознании доминировала идеология крайнего индивидуализма. Великая депрессия положила начало длительному периоду институциональной перестройки, сопровождавшейся усилением экономической роли государства и регулированием финансового сектора. Новая регуляционистская ОСН сложилась только к концу 1940-х после пятнадцати лет экспериментирования и Второй мировой войны. Она характеризовалась новыми формами государственного регулирования экономики, наличием сильных профсоюзных организаций, ограниченным “историческим соглашением” между капиталом и трудом, международным доминированием США, новой идеологией реформистского либерализма времен “холодной войны”. Кризис послевоенной ОСН разразился в 1970-х годах, названных представителями школы ОСН периодом Великой стагфляции; этот кризис проявился в резком замедлении темпов экономического роста, падении прибылей и инвестиций, разрыве “исторического соглашения” между трудом и капиталом и крахе бреттон-вудской системы.

Следствием кризиса стал переход в 1980–1990-х годах к неолиберализму, который характеризуется дерегулированием бизнеса и финансов, отказом от государственного макроэкономического регулирования, приватизацией государственных услуг и предприятий, сокращением социальных расходов, усилением давления на профсоюзы. Статус неолиберализма как самостоятельной ОСН является неопределенным. Часть исследователей рассматривают его если не как ОСН (поскольку неолиберализм не смог восстановить условия накопления капитала), то, по крайней мере, как самостоятельную форму либеральной институциональной структуры капитализма [Kotz, 2003, 2009, 2010]. Другая часть рассматривает период неолиберализма как продолжительный кризис послевоенной ОСН. Соответственно первые рассматривают финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году, как кризис неолиберальной институциональной структуры.

Помимо указанных школ оригинальный подход к пониманию и объяснению всемирно-исторической эволюции капитализма и структурных кризисов был разработан в рамках мир-системного анализа (МСА). Для объяснения существования, упадков и смены отдельных фаз или стадий развития капиталистической мир-экономики (КМЭ) Дж.Арриги разработал понятие системных циклов накопления [Arrighi, 1994]. Системные циклы накопления (СЦН) как механизмы воспроизводства и экспансии исторического капитализма в течение нескольких сот лет основывались на создании все более масштабных и мощных государственно-капиталистических комплексов — государств-гегемонов и связанных с ними капиталистических организаций — способных расширять и углублять функциональный и пространственный охват мировой капиталистической системы и направлявших развитие КМЭ в рамках определенного режима накопления капитала и власти. Каждый системный цикл состоит из фазы материальной экспансии и фазы финансовой экспансии. В фазе материальной экспансии новый организующий центр капитализма создает геоэкономические, геополитические и организационные условия, необходимые для более масштабного и интенсивного мирового разделения труда, ведущего к увеличению нормы прибыли и интенсивному росту материального производства и торговли. Особенность фазы материальной экспансии заключается в том, что накопление капитала происходит главным образом посредством инвестиций в производство и торговлю. По мере развертывания фазы материальной экспансии капитал имеет тенденцию к перенакоплению, то есть накоплению капитала сверх того объема, который может быть вновь инвестирован в производство и торговлю без сокращения нормы прибыли, и норма прибыли вследствие этого снижается. Кризис перенакопления, завершающий фазу материальной экспансии СЦН, означает также первоначальный, или “сигнальный” кризис данной мировой гегемонии.

В ответ на кризис перенакопления ведущие субъекты капиталистического накопления начинают использовать свое привилегированное положение в мировых финансовых сетях, извлекая выгоду из конкуренции за мобильный капитал, и пытаются при помощи этого удержать свою власть в мире и восстановить прибыльность за счет остальной системы. КМЭ вступает в фазу финансовой экспансии, в ходе которой накопление капитала осуществляется главным образом за счет инвестиций в финансовый сектор, спекулирующий с титулами собственности и другими претензиями на будущие доходы, то есть фактически экспансии того, что Маркс называл фиктивным

капиталом. Финансовые экспансии — одновременно и симптом кризиса перенакопления, и попытка сдержать его развитие. Поначалу слабеющему гегемону удается укрепить пошатнувшееся положение и увеличить свою власть и богатство (так называемая *belle époque* финансовой экспансии). Однако господство финансового капитала сопровождается тем, что Д.Харви назвал изымающим накоплением (*accumulation by dispossession*), влекущим за собой значительное изъятие и перераспределение дохода и богатства у трудящихся классов в пользу капиталистических и от должников к кредиторам. В результате со временем финансовые экспансии вместо того, чтобы разрешать кризис перенакопления, на деле усугубляют его, расширяя и углубляя масштабы межгосударственного соперничества и социальных конфликтов. Они разрушают сложившуюся систему накопления и порождают “терминальный кризис” гегемонии и ситуацию системного хаоса, из которого рождается новый системный порядок во главе с новым гегемоном и новыми ведущими капиталистическими агентствами, устанавливающими новую организацию системы накопления капитала.

Такие кризисы режимов накопления, ведущие к реорганизации системы накопления и революционизирующие историческую географию капитализма, Арриги вслед за другим исследователем капитализма — марксистом-географом Д.Харви — назвал “переключающими кризисами” (*switching crisis*) [Arrighi, 2004, 2005a; b]. Всего Арриги выявил в истории КМЭ четыре системных цикла накопления, каждый из которых является также определенной стадией развития капитализма. Это развитие осуществлялось посредством возникновения на каждой стадии организующих центров накопления более высокого уровня, большего масштаба и сложности. В этой последовательности преобладавшие в генуэзском цикле города-государства, подобные Генуе, Венеции и Флоренции, и транснациональные капиталистические диаспоры в голландском цикле были вытеснены с командных высот КМЭ протонациональными государствами типа Голландии и ее монопольными торговыми компаниями. Затем в британском цикле накопления их место заняло британское национальное государство с огромной формальной колониальной империей и всемирными неформальными сетями бизнеса. Они были, в свою очередь, вытеснены континентальным по своим размерам государством США, их транснациональными корпорациями и всемирной сетью иностранных военных баз. Каждая смена стадий была отмечена кризисом государственных и капиталистических структур и стратегий, направлявших экспансию на предшествующей стадии, а также возникновением новых организаций с возросшей способностью вести мировой капитализм к новой экспансии. Кризис, с которым КМЭ столкнулась на рубеже 1970-х годов, представляет кризис перенакопления и знаменует собой переход от фазы материальной экспансии американского СЦН к фазе финансовой экспансии. Вместе с тем это — сигнальный кризис гегемонии США. В настоящее время американский СЦН, начавшийся в конце XIX века, приближается к своему терминальному кризису [Арриги, 2005, 2008, 2009; Arrighi, 1994, 2004, 2005 a, b].

В определенной степени системные циклы накопления играют в развитии КМЭ ту же роль, что и выделенные И.Валлерстайном циклы гегемонии, соотносящиеся с длинными волнами Кондратьева [Wallerstein, 1983; *The Age of Transition*, 1996; Wallerstein, 2010]. При этом, если кондратьевские циклы представляют собой периоды образования и разрушения квазимонополий

ведущих отраслей производства, то циклы гегемонии — это более длительные периоды возникновения и упадка квазимонополии геополитической власти, частью которой является монополия ведущих отраслей производства. Суть цикла гегемонии, как и системного цикла накопления, заключается в том, что одно из государств ядра КМЭ в силу исторически сложившихся причин оказывается способным устанавливать необходимый для процесса накопления капитала и функционирования капиталистической системы в целом глобальный порядок, то есть систему правил, по которой функционирует межгосударственная система КМЭ. Разумеется, установленный глобальный порядок отвечает в первую очередь интересам государства-гегемона, максимизируя накопление капитала капиталистическими агентствами (организациями), расположенными на его территории. Однако, чтобы быть более или менее устойчивым, гегемонистский порядок должен учитывать более широкие интересы, включая интересы части трудящихся классов КМЭ. Здесь возникает напряженность, объясняющая, почему установление гегемонии является столь трудным и столь редким. Подъем каждой из гегемонистских держав — Голландии в середине XVII века, Великобритании в середине XIX века и США в середине XX века — был результатом длительной борьбы с другим потенциальным гегемоном. Победитель в этой борьбе обычно аккумулировал в себе экономические (в сфере производства, торговли, финансов) преимущества, связанное с ними военное превосходство и культурное доминирование, делающее его способным определять характер геокультуры КМЭ. Как и монополии ведущих отраслей, монополия геополитической власти подвержена разрушению. Экономическая монополия гегемона подрывается экономическим подъемом других великих держав, влекущим за собой стремление к перераспределению геополитических ролей. Гегемония вступает в период упадка и кризиса. Учитывая, что навязываемая гегемоном система правил, о которой говорит Валлерстайн, фактически устанавливает рамки функционирования капиталистической системы, кризис гегемонии представляет собой кризис гегемонистского режима накопления и потому также может рассматриваться как случай среднесрочного структурного кризиса капиталистического воспроизводства. Как и Арриги, Валлерстайн рассматривает период с начала 1970-х годов как кризис мировой гегемонии США, который осложнялся его совпадением с началом фазы упадка послевоенной длинной волны Кондратьева [Dynamics of Global Crisis, 1982; The Age of Transition, 1996; Wallerstein, 2000; 2010].

Оригинальную концепцию капиталистического развития и его структурных кризисов разработали французские экономисты Ж.Дюмени и Д.Леви [Duménil, Lévy, 2011, a, b, c, d; 2012]. Отрезок истории капитализма, исследуемый ими, ограничен периодом со второй половины XIX века. С этого момента они выделяют четыре стадии развития капитализма, четыре общественных порядка и соответственно четыре структурных кризиса. В основу периодизации капитализма французскими учеными положено выделение комбинации тенденций технологического развития и динамики нормы прибыли, а также совокупности масштабных социальных изменений и конфигурации власти, которые обозначаются термином “общественные порядки”. Последние представляют собой конкретно-историческую форму иерархий власти между классами или фракциями классов, которыми характеризуется каждая особая фаза капитализма, включая компромиссы между этими группами. Возникновение каждой последующей фазы связано с исчерпанием возможностей раз-

вития в рамках предшествующей фазы и вступлением капитализма в период структурного кризиса. Под структурными кризисами в данном случае понимаются, в отличие от кратких спадов деловой активности, то есть рецессий делового цикла, более масштабные и драматические пертурбации, которые могут длиться в течение десятилетия. Такие кризисы могут вызываться ростом накопленного труда относительно живого, то есть опережающим ростом основного капитала по сравнению с производством, что ведет к падению производительности капитала и нормы прибыли. Поскольку данный механизм возникновения кризисов описывал К.Маркс в “Капитале”, Дюмени и Леви называют их структурными кризисами “по Марксу” (à la Marx). Два структурных кризиса в истории современного капитализма — 1890-х и 1970-х годов представляют собой типичные кризисы, вызванные падением нормы прибыли. Наряду с кризисами “по Марксу” французские экономисты выделяют другой тип структурных кризисов. Он связан с тем, что в результате разрешения первого типа кризисов в обществе возникают тенденции, благоприятствующие интересам “финансов”, то есть высшим фракциям капиталистических классов и финансовым институтам, являющимся инструментом их господства и обогащения. Им удается навязать свою дисциплину трудящимся классам, в результате чего возникает общественный порядок, характеризуемый финансовой гегемонией. В истории современного капитализма определяются две фазы финансовой гегемонии — период 1900–1933 годов между кризисом 1890-х и Великой депрессией и период неолиберализма с начала 1980-х гг. до нынешнего глобального финансово-экономического кризиса. Кризис общественных порядков данного типа обозначается термином кризис “финансовой гегемонии” [Duménil, Lévy]. В отличие от кризисов “по Марксу”, как полагают французские исследователи, они не являются кризисами прибыльности. Как можно заметить, модель эволюции капитализма, сконструированная Ж.Дюмени и Д.Леви, имеет определенное сходство с моделью Дж.Арриги. Кризисы перенакопления капитала “по Марксу” приблизительно совпадают с кризисами фаз материальной экспансии британского и американского СЦН. В свою очередь периоды финансовой гегемонии приблизительно совпадают с фазами финансовой экспансии британского и американского системных циклов накопления, выделенных Арриги, а периоды финансовой гегемонии разделены периодом социал-демократического или кейнсианского компромисса (фаза материальной экспансии американского СЦН). Великая депрессия 1929–1933 годов и финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008-м, который является кризисом неолиберализма под гегемонией США, представляют собой кризисы финансовой гегемонии. Французские исследователи фактически избегают говорить что-либо относительно общего механизма генерирования данного типа финансовых кризисов. Цитаты из Манифеста коммунистической партии К.Маркса и Ф.Энгельса, которые они используют для их характеристики, касаются скорее общих базовых противоречий, являющихся механизмом капиталистических кризисов вообще, чем специфики данного типа структурных кризисов. В дальнейших статьях нам предстоит показать, что кризисы финансовой гегемонии являются составной частью эпох структурных кризисов, которые, в целом, являются кризисами “по Марксу”. Что касается неолиберализма (второго выявленного периода финансовой гегемонии), то Дюмени и Леви выявляют внутренние специфические противоречия данной фазы, которые и привели к ее структурному

кризису в 2007–2008 годах. При этом французские экономисты особо сосредотачиваются на процессах, происходивших в экономике США, на которую фокусируют анализ, поскольку именно здесь находятся истоки кризиса. Решающим фактором здесь является динамика взаимодействия неолиберализма с траекторией мировой гегемонии США, что также подчеркивает сходство концепции французских экономистов с концепцией Арриги. Результатом данного взаимодействия явилось противоречие между погоней за максимизацией доходов, сопровождающей финансиализацию и глобализацию экономики, с одной стороны, и характерным для неолиберализма замедленным накоплением капитала, увеличением торгового дефицита и задолженности США. Таким образом, причиной кризиса явилась конвергенция двух групп детерминирующих факторов. С одной стороны, неолиберализм привел к формированию гигантской финансовой глобальной структуры с центром в США. С другой — мировая гегемония США позволила им следовать по траектории наращивания внутренних и международных экономических диспропорций. Финансовое дерегулирование, один из факторов возникновения указанных диспропорций, сделало также возможным рост потребления за счет увеличения долгов домохозяйств. В ходе отмеченного процесса произошло совпадение нисходящего тренда накопления капитала, роста доли потребления в ВВП, роста дефицита внешней торговли, роста долгов домохозяйств и роста финансирования экономики США остальным миром. Стремясь устранить все барьеры на пути своего обогащения, капиталистические классы в итоге теряют контроль над процессом, и рост диспропорций приводит к кризису [Duménil, Lévy, 2011, с. d, 2012].

Наконец, существует третья возможность понимания кризиса и третий тип капиталистических кризисов: кризис как системный кризис капитализма. Если циклические и структурные кризисы капитализма происходят внутри капиталистической системы и, вызывая ее модификацию, тем самым способствуют ее выживанию и консолидации, то рано или поздно само развитие капитализма приведет к тому, что наступит момент, когда возможности ее воспроизводства будут исчерпаны и продолжение существования капиталистической системы окажется невозможным. Это и есть ситуация кризиса капиталистической системы в целом, или системный кризис капитализма. Его разрешение потребует уже системного метаморфоза — преобразования исторической системы капитализма, в другую общественно-историческую систему, что поставит также проблему поиска исторических альтернатив капитализму. О том, что капитализм переживает системный кризис говорит И.Валлерстайн [Dynamics of Global Crisis, 1982; The Age of Transition, 1996; Wallerstein, 2000, 2010].

Многозначность термина “экономический кризис”, множество ассоциируемых с ним смыслов ставит проблему социально-исторического диагноза современной исторической ситуации. Прежде всего, это касается вопроса типологизации современного глобального финансово-экономического кризиса. Что представляет собой современный глобальный кризис? С каким типом кризисов мы имеем дело? Ответ на эти вопросы позволит понять характер и масштаб совершаемого исторического изменения, а значит и нового исторического периода, начало которого возвещает кризис. Станут понятными и возможные последствия кризиса для развития как мировой капиталистической системы, так и человечества в целом. Будут ли его следствием сдвиги краткосрочного циклического характера, завершение старо-

го и начало нового цикла капиталистического развития или же произойдут более значительные изменения и какие именно?

Методологические проблемы исследования современного глобального кризиса

Каждый кризис и связанный с ним период представляют собой не только закономерное, но и уникальное общественно-историческое явление, происходящее в конкретных исторических обстоятельствах, вызванное конкретными историческими причинами. Как таковое это явление для всестороннего, полного и объективного отображения средствами науки должно получить не только абстрактно-теоретическое, но и конкретно-историческое объяснение. Необходимость введения наряду с абстрактно-теоретическим пониманием и на его основе историко-социологического анализа эмпирической реальности объясняется невозможностью понять исторический процесс во всей его сложности, обращаясь только к выявленным в абстрактной теоретической модели законам капитализма и общей структуре отношений между различными его сторонами, выраженным в логической системе соподчиненных абстракций (категорий), выводимых посредством последовательного отвлечения от конкретно-эмпирического материала. Непосредственное применение системы положений, принципов и понятий абстрактной теории капитализма вообще к реально имеющимся кризисным тенденциям едва ли будет достаточным для их объяснения. А непосредственное присоединение к абстрактной теории фактов, отражающих реально совершающийся в действительности процесс, будет скорее служить целям иллюстрации и разъяснения абстрактных положений теории, чем пониманию самого процесса. Конечно, без уровня абстрактной теории капитализма вообще, или, как его назвал японский марксист Козо Уно, теории чистого капитализма, такое объяснение является невозможным, и исследование кризисных тенденций становится субъективистским и эмпирицистским [Maclean, 1981]. Однако, останавливаясь на уровне чистого капитализма, оно становится механистическим, а не диалектическим. Капитализм существует не вообще, а в определенной конкретно-исторической форме и внутри этой формы может принимать специфические пространственно-временные конфигурации. Все это и должно выступать в роли звеньев, опосредствующих абстрактную теорию. Необходимо, по меньшей мере, исследование реального взаимодействия сторон, свойств и отношений, выявленных в абстрактной теоретической модели капитализма, взятых в той конкретно-исторической форме, в которой они проявляются, с исторически уникальными обстоятельствами пространства и времени капитализма. Поэтому теоретически обоснованное историко-социологическое исследование современного кризиса включает в себя одновременно три уровня понятий. Первый уровень — уровень абстрактно-всеобщего, то есть уровень абстрактной социальной теории, в которой капитализм представлен как абстрактно-теоретическая модель, как структурный принцип, отвлеченный от особенностей его исторического пространства и времени. Иными словами, капитализм на этом уровне представляет собой определенный тип общества, законы которого действуют одинаково во всем его пространственно-временном континууме, то есть независимо от пространства и времени. В данном случае центральными категориями будут выступать категории ка-

питалистического способа производства и капиталистической общественно-экономической формации. Следующий уровень — конкретно-всеобщего — включает систему понятий, отражающих существование капитализма как эмпирической развивающейся тотальности, взятой в условиях исторического пространства и времени, то есть пространства-времени капитализма. На этом уровне центральное место занимают понятия тех конкретных форм, в которых воплощается исторически капиталистический способ производства — мировая капиталистическая система, капиталистическая мир-экономика, капиталистическое общество в смысле единичного социально-исторического организма. Помимо этого, можно выделить уровень особенного, охватывающий устойчивые пространственно-временные конфигурации, принимаемые мировой капиталистической системой и характеризующие отдельные стадии ее развития. Особенное здесь выступает как промежуточный между всеобщим и отдельным уровень, охватывающий и отдельное, и общее и возникающий на основе знания общего, равно как и исторической конкретности. Если общее одинаково на всей протяженности капитализма, то особенное обладает своеобразием, поскольку помимо общего воплощает в себе историческую специфику объекта в данный момент его существования. При этом самыми общими выступают формационные признаки капитализма, как повторяющиеся и характерные для всех капиталистических социально-исторических образований, где бы и когда бы они ни возникали. Поскольку капитализм всегда существует в виде конкретной исторической структуры (мировой капиталистической системы, капиталистической мир-системы), возникает необходимость выделения еще одного уровня всеобщности, характерной именно для данной исторической структуры — уровня конкретно-всеобщего. Общими на этом уровне являются те признаки, которые повторяются по-разному на всех стадиях ее развития. Особенными по отношению к этим общим будут признаки, свойственные только отдельным стадиям социальной эволюции капиталистической исторической структуры. Только в результате совмещения этих трех уровней становится возможным “эмпирический анализ действительного состояния капитализма как в мире в целом, так и в каждой отдельной стране” [Maclean, 1981: p. 213].

Сама по себе абстрактная теория капиталистической общественно-экономической формации не может объяснить возникновения особых фаз, стадий развития реального исторического капитализма, таких как, например, период 1848–1875 годов, названный Э.Хобсбаумом “веком капитала” — временем “беспримечного экономического прогресса” [Хобсбаум, 1999b: с. 44], “век империй” 1873–1914 годов, период империализма, характеризовавшийся Великой депрессией 1873–1896 годов, обострением межимпериалистического соперничества, интенсификацией колониальных захватов и борьбы за передел мира, ускорением процесса концентрации и централизации капитала [Хобсбаум, 1999a, b, c], “золотой век капитализма” 1945–1973 годов и последовавший за ним “глобальный век”. На уровне абстрактной теории в качестве причин действуют одни и те же законы, одинаковые для всех этапов развития капитализма. Поэтому, на что обращают внимание Ф.Бродель и И.Валлерстайн, чтобы спуститься от абстрактной теории к историческим событиям, необходимо разрабатывать системы понятий промежуточного уровня абстрактности, опосредующие две крайние точки логического континуума — вечное время-пространство абстрактных генерализаций, характеризующихся всеобщностью и необходимостью, и эпизодическое

геополитическое время-пространство совокупности единичных отдельных событий [Бродель, 1977; Wallerstein, 1991; 1998a, b, s.a.]. Геополитическим данное время-пространство является с точки зрения номинальных дефиниций пространства, в котором происходят события (например, выборы в Ольстере, война в Ливии и т.д.). Под понятиями промежуточного уровня абстрактности понимаются понятия, относящиеся к тому, что Ф.Бродель назвал “большой длительностью” или “длительной временной протяженностью” (*longue durée*), а И.Валлерстайн — структурным временем-пространством — пространством и временем крупных исторических структур или, как их называет И.Валлерстайн, исторических систем [Бродель, 1977, 1986, 1988, 1992; Wallerstein, 1991, 1998a, b, s.a., 2001]. Исторические системы, как их определяет И.Валлерстайн, представляют собой самодостаточные и автономные общественные системы, обладающие пространственными и временными границами, то есть определенной пространственной сферой и периодом исторического существования. В их основе лежит структура общественного разделения труда, подчиненная действию ряда фундаментальных принципов (способа производства). Выделение исторических систем как пространственно-временных целостностей позволяет получить единицу исторического процесса и анализа социальной преемственности и изменений. Историческая система капитализма представляет собой капиталистическую мир-экономику, чьим основным принципом является бесконечное накопление капитала [Wallerstein, 1974; 1980; 1988; 1989; 1991; 1998a, b, s.a., 2000, 2001]. Как и всякая историческая система, КМЭ обладает вековыми трендами — долгосрочными структурными или, как бы их назвал А.Грамши, органическими тенденциями эволюции ее базовых структур. Эти тенденции можно интерпретировать как конкретную форму проявления действия фундаментальных законов в данной конкретной исторической системе. Внутри “большой длительности” исторической системы капитализма существует циклически-идеологическое время-пространство, которое отражает действие регулирующих механизмов, поддерживающих функционирование системы. Их функционирование принимает форму циклических ритмов экономического расширения и сжатия капитализма.

Из сказанного следует, что теоретически обоснованное и исторически конкретное понимание текущих процессов и событий может быть достигнуто только посредством их рассмотрения сквозь призму множества исторических перспектив, то есть типов социального времени, из которых главная роль принадлежит двум промежуточным — времени исторической структуры капитализма (уровень конкретно-всеобщего) и времени среднесрочных процессов внутри нее (уровень особенного). Это подводит к методологической идее сочетания долгосрочного структурного и среднесрочного конъюнктурного исторического анализа, позволяющего рассматривать современный глобальный кризис в контексте эволюции мировой капиталистической системы и ее отдельных стадий. Сочетание долгосрочных структурных тенденций и среднесрочных циклических процессов порождает долгосрочную историческую конъюнктуру, которая, будучи разработана как понятие, может сыграть роль методологического инструмента познания и объяснения как конкретных событий и явлений, так и определенных исторических периодов в целом. Термин “конъюнктура” многозначен. Наиболее часто он употребляется в смысле относительно краткосрочных экономических колебаний, состояний рынка в данный момент времени. На основе этого эконо-

мического понимания возникло толкование конъюнктуры в более широком общественно-историческом смысле, в котором она рассматривается как мимолетный момент исторического процесса, быстропроходящее состояние, поверхностный исторический феномен в противоположность чему-то более глубокому, органическому — структуре как подлинной сущности. При таком узком понимании конъюнктуры как исторического момента, быстроизменяющегося соотношения сил, совокупности обстоятельств, которые складываются в данный момент, конъюнктура абстрактно и метафизически противопоставляется структуре, и, таким образом, детерминирующая данный исторический момент конкретно-историческая структура попросту выпадает из анализа конъюнктуры. Без понятия же детерминирующей структуры исторический процесс представляет собой совокупность исторических моментов, каждый из которых является уникальным и несводимым к другому моменту. Целостный взгляд на исторический процесс требует более конкретного и диалектического понимания конъюнктуры, включающего не только противоположность, но и единство конъюнктурного и структурного, органического как не только противоположающихся, но и предполагающих друг друга. В этом смысле историческая конъюнктура является структурной конъюнктурой, охватывающей также и формирование и изменение самой структуры, на основе которой она возникает. В этом случае конъюнктура может рассматриваться как комбинация определенных структурных черт и исторических обстоятельств и процессов, составляющих сложное образование, структурирующее определенные промежутки исторического времени (см. также: [Koivisto, 2012]). Если действие указанного конкретно-исторического образования ограничивается историческим моментом, можно говорить о краткосрочной исторической конъюнктуре. Если же ее действие определяет характер исторической эпохи, то это — долгосрочная историческая конъюнктура. Между этими крайними точками можно выделить среднесрочную историческую конъюнктуру. Общественные изменения осуществляются посредством исторических конъюнктур различного типа.

Сама идея выделения долгосрочной исторической конъюнктуры связана с идеей множества типов социального времени-пространства, выдвинутой Ф.Броделем и разработанной И.Валлерстайном. С одной стороны, существует длительная временная протяженность, связанная с существованием крупных общественных структур (материальная культура, повседневная жизнь, история цивилизаций и ментальностей, “вековые тренды” геоэкономики). Под структурой, как отмечает Ф.Бродель, “исследователи социальных явлений понимают организацию, порядок, систему достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами. И для историков структура — это ансамбль, архитектура социальных явлений, но прежде всего она — историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени. Некоторые долговременные структуры становятся устойчивым элементом жизни целого ряда поколений. Иные структуры менее устойчивы. Но все они являются опорой и препятствием исторического движения. Так, определяя границы действия и опыта человека, они оказываются препятствиями (“огibaющими” в математической терминологии)” [Бродель, 1977: с. 124]. Ввести в науку понятие длительной временной протяженности, то есть времени долгосрочных исторических структур, означает “привыкнуть ко времени, текущему... настолько медленно, что оно показалось бы почти неподвижным. Только тогда мы сможем вырваться из пле-

на событий, чтобы снова вернуться к ним и посмотреть на них другими глазами, задать им другие вопросы. ... Историю в целом можно понять только при сопоставлении ее с этим необозримым пространством медленной истории. Только так можно выявить действительный фундамент исторических событий. И тогда все этажи общей истории, все взрывы исторического времени предстанут перед нами вырастающими из этой полунеподвижной глубины, центра притяжения, вокруг которого вращается все” [Бродель, 1977: с. 127]. С другой стороны, касаясь упомянутых других этажей исторического процесса при исследовании жизни капиталистической мир-экономики, Бродель выделяет время средней длительности, то есть среднесрочное время циклических процессов, исчисляемых десятилетиями. “Около пятидесяти лет назад, — пишет Ф. Бродель, — гуманитарные науки открыли ту истину, что вся жизнь людей подвержена флуктуациям, колеблется по прихоти бесконечно возобновляющихся периодических движений... Под “социальным движением” следует понимать все движения, которые приводят какое-либо общество в движение” [Бродель, 1992: с. 66]. При этом различные виды циклических движений “были современниками друг друга, были синхронны: они сосуществовали, смешивались, добавляли свои движения к колебаниям целого или отделялись от него” [Бродель, 1992: с. 67]. Совокупность таких движений “образует конъюнктуру или, лучше сказать, конъюнктуры”, поскольку существует множество конъюнктур, затрагивающих экономику, политику, демографию, самосознание и коллективное мышление, искусство и литературу, и такие социальные явления, как преступность и мода [Бродель, 1992: с. 66]. Все эти виды конъюнктур как стечение, сочетание разнородных процессов и обстоятельств, характеризуют облик КМЭ в каждый конкретный момент времени.

Однако совпадение различных исторических процессов не означает, что история представляет собой их хаотическое нагромождение, в котором невозможно отделить центральные процессы от второстепенных, субстанциальные отношения и свойства от других, определяемых ими. Бродель вовсе не является сторонником эклектического подхода, при котором частное, второстепенное, внешнее и случайное по своей исторической и методологической значимости уравнивается с целым, определяющим, необходимым и существенным. В своей известной методологической статье, написанной в 1958 г., он отмечал: “Чтобы понять мир независимо от того, будь то в 1558 году или же в благословенном 1958 году, мы должны определить иерархию действующих в нем сил, течений, конкретных движений и затем уже связать их в единое целое. В каждый момент исторического исследования необходимо разграничивать долговременные движения и краткосрочные импульсы; движения, возникшие недавно, и движения, идущие из глубины исторического времени. Мир 1558 года, столь зловещий на часах французской истории, не родился на рубеже этого безрадостного года, как и, снова в масштабе французского времени, очередной тяжелый год для Франции не начался в новогоднюю ночь 1958 года. Любая “современность” включает в себя различные движения, различные ритмы: “сегодня” началось одновременно вчера, позавчера, “некогда”” [Бродель, 1977: с. 128]. Основные причины исторических изменений лежат, по мнению Броделя, в “длительной временной протяженности”. Это означает, что фундаментом социально-исторического объяснения является понятие крупной исторической структуры — капиталистической мир-экономики, обладающей рядом существенных

свойств, на основе которых возникают долгосрочные исторические тенденции развития (вековые тренды, как бы их назвал И.Валлерстайн).

Продолжая обоснование идеи методологического подхода с точки зрения долгосрочной исторической конъюнктуры, отметим, что сам Бродель из множества конъюнктурных ритмов выделял долговременную конъюнктуру. Последняя является у Броделя результатом взаимодействия вековых трендов и длинных волн Кондратьева. “Если сложить два этих движения — вековую тенденцию и цикл Кондратьева, — замечает ученый, — то мы будем располагать “музыкой” долгосрочной конъюнктуры, звучащей на два голоса” [Бродель, 1992: с. 76]. Это те долговременные движения, сочетание которых, как представляется, своим кумулятивным действием вызывает структурные изменения и определяет характеристики особенных фаз эволюции капитализма. Концепт долгосрочной исторической конъюнктуры, формирующей историческую эпоху, является переходным звеном от абстрактных законов теории чистого капитализма вообще и возникающих на их основе структурных исторических трендов исторического капитализма к исторически специфическим для данного времени процессам и событиям. Он позволяет более конкретно исследовать механизм формирования исторических эпох. Дополнением к сказанному могут послужить слова У.Табба о том, что необходимо видеть различие между капитализмом как способом производства и анализом особых форм капитализма в их исторической специфике. Последние могут рассматриваться как специфическая конъюнктура, например, американский капитализм в эпоху глобального неолиберализма. Тенденции на уровне капитализма вообще обуславливают историческую специфику и возможности на уровне особой конъюнктуры [Tabb, 2010: р. 309–310].

Исходя из сказанного и используя имеющиеся разработки конъюнктурного подхода в марксистских исследованиях политики и международной политической экономии [Rosenberg, 2005; Callinicos, 2005; Koivisto, 2012, Tabb, 2010; 2001], можно определить долгосрочную историческую конъюнктуру как устойчивую конкретную комбинацию, или ансамбль процессов, порождающих конкретно-историческую пространственно-временную конфигурацию капитализма, которая определяет характер стадии развития исторической капиталистической системы и возникающей на ее основе исторической эпохи.

Каждый этап развития мирового капитализма характеризуется наличием ряда процессов, взаимодействие которых на протяжении определенного времени порождает уникальную комбинацию относительно устойчивых социальных, экономических, политических и других характеристик, формирующих особенности данной фазы мировой капиталистической системы (МКС). Эти особенные черты, представляющие собой следствие наложения друг на друга обстоятельств, условий и процессов различного масштаба и длительности, — историческая конъюнктура — характеризуют данную фазу развития мировой капиталистической системы, и как действующая причина определяют ход и направление тенденций общественного развития в течение всей фазы. Историческая конъюнктура возникает на основе действия общих законов капиталистического общества, которые в реальной исторической системе капитализма проявляются в конкретной форме генеральных структурно-исторических тенденций ее развития, неотделимых от реального конкретно-исторического движения и достигнутого в данный момент под их действием состояния исторического капитализма. Действие

указанных тенденций само подвержено изменениям, хотя бы вследствие кумулятивного эффекта саморазвития, самовозрастания и накопления следствий их предшествующего развития, а также наличия контртенденций. Оно всегда протекает всякий раз в новых опосредующих их исторических условиях, что еще больше усложняет различные конкретно-исторические формы их проявления. Само развертывание структурно-исторических тенденций изменяет условия, в которых они прокладывают себе дорогу, реализуются как тенденции. Таким образом, возникновение долговременной исторической конъюнктуры предполагает как изменчивость, так и инвариантность, преемственность, в рамках которой изменяющиеся конкретные исторические формы протекания общественных процессов и исторически обусловленные формы их взаимодействий сохраняют свой капиталистический характер и могут исследоваться только на основе знания системы общих законов капитализма вообще. Однако конкретное понимание и объяснение требует исторической конкретизации действия общих механизмов функционирования и развития капитализма в контексте исторически данных обстоятельств пространства и времени. Например, согласно И.Валлерстайну, так называемые циклы подъема и упадка или расширения и сжатия капитализма на самом деле не являются циклами в смысле возвращения к исходному состоянию. Они создают каждый раз новую историческую ситуацию, продвигая исторический капитализм к новому уровню технологического развития, росту накопления капитала, углублению процессов коммодификации, к увеличению его пространственных масштабов, и каждый раз протекают в исторически специфической комбинации социальных, экономических, политических и геополитических обстоятельств [Dynamics, 1982]. В смене таких периодов подъема и упадка проявляется действие структурно-исторических тенденций развития капитализма.

Комбинирование общих законов, конкретизированных в виде генеральных структурно-исторических трендов и процессов меньшего масштаба и длительности, позволяет рассмотреть каждую особую стадию в контексте эволюции всего капитализма как исторической системы. То есть мы можем рассматривать отдельную стадию в связи с предшествующими стадиями, в которых лежат ее истоки, и последующими, истоком которых является она сама. Общие законы и возникающие на их основе генеральные структурно-исторические тенденции капитализма обеспечивают преемственность особых периодов развития капиталистической системы и являются основой выделения таких периодов. С другой стороны, историчность пространства и времени капитализма не позволяет рассматривать стадии его развития как изначально заданные, предопределенные и известные заранее. Долговременную историческую конъюнктуру нельзя ни свести к абстрактным законам и общим структурным тенденциям, ни рассматривать как совершенно случайное и хаотичное нагромождение событий. Она есть проявление и действие общих тенденций системной логики капитализма в конкретных исторических обстоятельствах, их опосредование конкретными историческими условиями, формами и обстоятельствами, в которых и через которые они осуществляются.

Это можно проиллюстрировать следующим примером. Общепринятым положением является, что исторический капитализм обладает структурной тенденцией к географической экспансии, что является следствием стимулов, порождаемых законами капиталистического способа производства.

Однако многочисленные исследования истории капитализма, проведенные с различных теоретико-методологических позиций [Wallerstein, 1974, 1980, 1989; Hobsbawm, 1999; Beaud, 2002], показывают, что эта тенденция не носила линейного безостановочного характера. Она не реализовывалась автоматически. И, например, за бурной экспансией XVI века последовала своего рода стабилизация XVII века. Был ли это, как считают Хобсбаум и другие, “кризис XVII века” [Hobsbawm, 1954a, b; Trevor-Roper, 1959], завершающая фаза перехода к капитализму или, как полагает Валлерстайн, длительная стагнация “долгого XVII века”, позволившая капиталистической мир-экономике консолидироваться и подготовить почву для рывка так называемой промышленной революции [Wallerstein, 1980], или, наконец, интенсивный режим накопления капитала в период гегемонии Голландии, как полагает Дж. Арриги [Арриги, 2005; 2008; 2009], факт остается фактом — с точки зрения географии капитализма, границы, созданные около 1500 года, к 1750-му изменились незначительно.

Причины этого следует искать в исторически сложившемся в данный период времени сочетании, комбинации контртенденций, уравновешивавших внутреннюю тенденцию капитализма к географической экспансии. Кроме того, включение той или иной части земного шара в орбиту капитализма также было явлением историческим, протекавшим в контексте многообразных исторических обстоятельств пространства и времени. Здесь можно указать, с одной стороны, на определенный уровень технологического развития, политическую, военную и т.п. способность капиталистических классов государств ядра подчинить данную территорию, геополитическое положение и отношения великих капиталистических держав, а с другой стороны, на исторически данное экономическое, политическое и военное положение государств и народов, являющихся объектом капиталистической экспансии, их способность и готовность сопротивляться этой экспансии. В общем, подход с точки зрения долговременной исторической конъюнктуры позволяет упорядочить поток событий и фактов, наблюдающийся в определенный промежуток времени, с помощью системы объяснения конкретного периода развития капитализма.

Поскольку речь идет о капитализме, центральным организующим процессом долгосрочной исторической конъюнктуры выступает непрерывное накопление капитала, осуществляемое в рамках и посредством конкретной модели или системы накопления капитала. Последняя включает в себя пространственно-временные констелляции институтов (моделей производства, распределения, обмена и потребления, моделей социально-классовых отношений, мирового разделения и комбинирования труда) и стратегий субъектов классового действия, поддерживающих капиталистическое воспроизводство. Географический масштаб системы накопления капитала, а значит и капитализма, изначально был наднациональным, постепенно становясь глобальным. Из этого следует, что выделение определенных исторических периодов должно исходить из устойчивого состояния глобальной системы накопления капитала в течение определенного времени, обусловливаемого комбинацией капиталистических институтов и стратегий, и должно начинаться с уровня исторической структуры капитализма (мировая капиталистическая система, капиталистическая мир-экономика) в целом. При этом, хотя в основе выделения долгосрочной временной конъюнктуры лежит состояние процессов накопления капитала, ограничивать ее анали-

зом одних экономических процессов, циклов конъюнктуры и оставлять в стороне общесистемный контекст, означало бы подменить принцип экономического детерминизма экономическим редукционизмом. Процесс капиталистического накопления, осуществляемый посредством классовых структур, требует создания определенных форм социальных, политических, культурных и идеологических институтов, обеспечивающих их воспроизводство и функционирование. Поэтому понятие долговременной исторической конъюнктуры должно охватывать также социальные, политические, культурные и идеологические процессы в их связи с капиталистическим развитием. Кроме того, поскольку капитализм — это крупномасштабная историческая структура, она включает в себя и геополитические аспекты. Капиталистическое воспроизводство и накопление капитала в мировом масштабе осуществляется, в том числе, и в процессе взаимодействия различных политических сил, обладающих властью на определенной территории в формальных рамках межгосударственной системы КМЭ. Сказанное о долговременной исторической конъюнктуре относится и к значительным кризисам капитализма — структурным и системным: не существует чисто экономических структурных кризисов, так как они являются частью более широких общественных процессов, включающих социальные, политические и культурные аспекты. Вследствие этого структурный кризис можно определить как значительное потрясение общественной системы капитализма, которое может угрожать воспроизводству ее базовых механизмов и самому ее существованию. При этом система может перестроиться, устраняя устаревшие, препятствующие развитию компоненты и механизмы, осуществляя инновации, направленные на ее спасение.

Анализ современного глобального кризиса сквозь призму долгосрочной исторической конъюнктуры предполагает в соответствии с принципами исторического подхода определенную последовательность шагов. Во-первых, анализ современного состояния кризисных тенденций, составляющий исходный пункт исторического рассмотрения, в ходе которого формируется первоначальное представление о предмете. Во-вторых, анализ формирования долгосрочной исторической конъюнктуры, породившей кризис, и ее внутренней динамики, что означает выявление генезиса и главных этапов развития предмета — современного глобального кризиса, его рассмотрение в контексте истории развития капитализма с его структурно-историческими трендами развития, определение конкретной комбинации ключевых процессов, характеризовавших состояние капитализма в рассматриваемый период. В-третьих, выявление тенденций развития современного глобального кризиса, когда на основе синтеза знаний о настоящем и прошлом возможно, с определенной степенью достоверности, определение исторических перспектив развертывания кризиса.

Современный глобальный кризис сквозь призму краткосрочной исторической конъюнктуры

Современный глобальный кризис начинался в 2008 году как кризис банковский и финансовый. Его непосредственной причиной стал взрыв спекулятивного пузыря, надувание которого на рынке недвижимости США началось в 2002-м, после того как обвалился рынок акций высокотехнологических компаний, то есть лопнул спекулятивный пузырь “новой экономи-

ки”. Кризис малоликвидных и высокорискованных ипотечных кредитов распространился на связанные с ипотекой производные финансовые и сложные кредитные инструменты и, вызывая кризис ликвидности, из ипотечного стал банковским. Одним из первых его проявлений стало банкротство крупного инвестиционного банка США “Bear Stearns”, спасение которого стало делом Федеральной резервной системы (ФРС) США, министерства финансов США и инвестиционного банка “JPMorgan Chase”, которому ФРС предоставила кредит на покупку “Bear Stearns”. Однако этим банком дело не ограничилось. Кризис ликвидности угрожал банкротством другим крупным финансовым институтам США, составляющим центральный элемент мировой финансовой системы. Проблемы с капитализацией возникли у таких ведущих финансовых структур, как “Goldman Sachs”, “Merril Lynch”, “Morgan Stanley”, “Citigroup”. Кризис привел к краху двух крупнейших ипотечных агентств “Fannie Mae” и “Freddie Mac”, что вызвало еще большие проблемы в банковском секторе и привело к национализации указанных агентств. Затем последовало банкротство и принудительное спасение инвестиционного банка “Merril Lynch” банком “Bank of America”, а также инвестиционных банков “Lehman Brothers”, “Morgan Stanley” и “Goldman Sachs” и крупнейшего ссудо-сберегательного банка “Washington Mutual”, проданных за бесценок или реструктуризированных. В ряду причин, вызвавших финансовый кризис, ближайшей следует считать систему мер по дерегулированию и либерализации финансового сектора, способствующую развитию финансовых спекуляций. Среди указанных мер следует также обратить внимание на осуществление ФРС США политики “дешевых денег” и накачивания экономики ликвидностью. Данная политика позволяла осуществлять кредитную экспансию, питающую спекулятивные пузыри, включая финансовую пирамиду на рынке недвижимости.

Одним из важнейших феноменов, сыгравших важную роль в кризисе высокорискованных ипотечных кредитов, стала так называемая секьюритизация. Учитывая доступность ипотечных кредитов и рост стоимости недвижимости вследствие притока дешевых денег, банки и другие финансовые учреждения вовлекались в операции на рынке недвижимости. При этом они широко прибегали к секьюритизации путем превращения долгов (ипотечных контрактов) в обеспеченные активами (закладными) ценные бумаги, которыми можно было торговать (mortgaged-based securities). Начиная с 1980-х годов коммерческие банки стали продавать ипотечные закладные инвестиционным банкам, а те, учитывая неоднородность долгов с точки зрения их рискованности, связывали долговые обязательства в “пулы” из сотен и тысяч закладных. Разные части “пулов” имели свой уровень риска, оцениваемый кредитными рейтинговыми агентствами. Связывание долговых обязательств позволяло диверсифицировать и снижать риски. На сумму долговых обязательств выпускались облигации, которые продавались инвесторам (банкам, страховым компаниям, пенсионным, хеджинговым и правительственным инвестиционным фондам, муниципалитетам и т.д.) по всему миру, а полученные средства вновь использовались для выдачи ипотечных кредитов. Считалось, что подобная модель позволяет распределять активы с различными категориями риска среди как можно большего количества участников и снижать системные риски. Продавая долговые обязательства, банки получали ликвидность, которая направлялась на выдачу новых кредитов, долги по которым, в свою очередь, также преобразовывались в ценные бумаги. Эти обли-

гации имели высший инвестиционный рейтинг надежности и пользовались огромным спросом как объект прибыльного помещения капиталов.

Важным результатом секьюритизации было то, что “производители” ипотеки — коммерческие банки и ипотечные компании — не имели больше стимулов проверять платежеспособность должников и снижали стандарты выдачи ссуд, поскольку их основной доход исходил теперь не от платежей по закладным, а от их продажи инвесторам. Инвестиционные банки получали доход от своей посреднической деятельности в процессе секьюритизации, покупая закладные у “производителей” и продавая выпущенные на их основе ценные бумаги конечным инвесторам. Чем больше они продавали ценных бумаг, тем больше был их доход. У рейтинговых агентств также имелся сильный стимул давать высший рейтинг надежности ценным бумагам, обеспеченным закладными. В итоге секьюритизация стала процессом, порождающим стимул к искажению реальной картины и игнорированию кредитных рисков в стремлении получить как можно большую прибыль. Оценка риска невозврата долга фактически не проводилась, поскольку предполагалось, что при данной конъюнктуре цены на недвижимость будут продолжать расти и, значит, если покупатель окажется неплатежеспособен, ипотеку можно будет легко рефинансировать, то есть получить новый кредит, чтобы расплатиться по старой закладной, или же продать недвижимость по более высокой цене.

В результате была создана огромная спекулятивная долговая пирамида, которая может существовать до тех пор, пока благодаря дешевому кредиту растет стоимость активов и эти активы могут приносить высокий доход. Однако эта стратегия работала только до тех пор, пока цены на жилье росли. С прекращением роста цен в 2006 году она перестала быть действенной. Структурным препятствием продолжения спекулятивного роста стала тенденция снижения в США реальной заработной платы, которую пытались компенсировать кредитной экспансией как источником потребительского спроса. Однако в итоге этот паллиативный механизм поддержания уровня потребления оказался исчерпанным. Избыточное предложение на рынке недвижимости привело к снижению стоимости домов. Преобразованные в ценные бумаги долговые обязательства стали “токсичными”. Произошло накопление токсичных долговых обязательств, когда сумма долга превысила выручку от перепродажи недвижимости и производные активы, конечным источником дохода которых были покупатели домов, стали для своих держателей пассивами. Банки, балансы которых были переполнены токсичными активами, попали в сложное положение. В наихудшем положении оказался целый ряд крупнейших инвестиционных банков, включая и печально известный “Lehman Brothers”. Учитывая, что каждый из них вовлечен в целый ряд важнейших рынков, их крах, ухудшив финансовое положение связанных с ними контрагентов, вызвал цепную реакцию во всей мировой финансовой системе.

О масштабе возникших проблем свидетельствовало банкротство крупнейшего страхового гиганта — компании “AIG”, занимавшейся страхованием кредитных рисков. Это свидетельствовало о крахе банковской системы США, и для ее спасения был принят чрезвычайный план, предполагавший разрешение кризиса ликвидности потоками денежной эмиссии и выкупом у банков плохих долгов. Негативные последствия банкротств не ограничились финансовой системой. Их действие распространилось на так называе-

мую реальную экономику, влияя на стоимость активов и доступность кредитов. По некоторым подсчетам, потери и сжатие банковского капитала на 100 млрд долларов ведет к триллионному сокращению банковских ссуд и соответствующему сокращению деловых инвестиций и потребительских расходов. По этим расчетам, банковские потери в 1 трлн долларов должны привести к сокращению банковских ссуд на 10 трлн долларов, что представляет собой весьма жестокий удар по экономике [Moseley, 2009]. Под воздействием “кредитного краха” мировая экономика начала скатываться в полномасштабную глобальную депрессию.

Объяснение возникновения глобального кризиса кризисом высокорискованных ипотечных кредитов, за которым последовал финансовый кризис, представляет собой объяснение с точки зрения причин краткосрочного конъюнктурного характера. Этого объяснения, включающего в себя указания на безответственное поведение спекулянтов, несовершенство финансовой системы, недостатки регуляторной политики, “провал институтов”, недостаточно. Помимо того, что оно является поверхностным, такое объяснение предполагает, что кризис может быть преодолен посредством введения новых правил и стандартов, установления “новой финансовой архитектуры”, простого изменения финансовой политики. Однако сам масштаб кризиса, который, по общему признанию, является крупнейшим со времен Великой депрессии 1929–1933 годов, указывает на более фундаментальный характер проблемы.

Взрыв спекулятивного пузыря рынка недвижимости в США стал непосредственным импульсом, запустившим механизм кризиса. Однако это был только один из множества спекулятивных пузырей, надутых в мировой экономике на протяжении последних тридцати лет. Фактором, способствовавшим их “надуванию”, является проводимая ФРС США политика низких процентных ставок, которая стимулировала кредитную экспансию, позволившую увеличить потребительские и другие расходы за счет растущей волны долга. И проблема в том, что эта длительная политика, питавшая экономический рост за счет увеличения долга, достигла своих пределов. Таким образом, историческую конъюнктуру, создавшую комбинацию причин, вызвавших современный глобальный кризис, следует перенести на тридцать лет назад, в 1980-е годы, когда началась реализация новой нелиберальной экономической стратегии. Однако и это не все. Распространенное мнение, что нынешний финансовый кризис является причиной экономического, ошибочно. Ибо дело обстоит “с точностью до наоборот”. Та нелиберальная стратегия дерегулирования и либерализации финансов, следствием которой стало надувание спекулятивных пузырей активов, сама является следствием экономического кризиса перепроизводства, поразившего мировую капиталистическую экономику на рубеже 1970-х годов. Непреодоленные кризисные тенденции тех лет и составляют фундамент, на котором мог возникнуть финансовый кризис в 2008 году. Вследствие поразившей экономику капиталистических стран длительной стагнации и снижения нормы инвестиций в нефинансовом секторе, образовался избыток финансового капитала, ищущего прибыльного приложения. Поскольку нужда нефинансовых корпораций в кредитах снизилась, банки и другие финансовые учреждения стали находить выход в предоставлении кредитов рабочим, заработная плата которых стагнировала и которые нуждались в кредитах, чтобы финансировать потребление, особенно покупку жилья. Доля банковских ссуд домо-

хозяйствам возросла с 30% в 1970-м до 50% в 2006-м. В свою очередь, соотношение долгов и доходов домохозяйств выросло с 60% в 1970-м до 100% в 2002-м и 140% в 2007 году. Поскольку слой платежеспособных рабочих был относительно невелик, банки стали выдавать кредиты даже рабочим с низкими доходами, чья способность выплачивать долг была сомнительной. Так и возник феномен *subprime mortgages*, доля которых в ипотечных кредитах возросла с 7% в 2000-м до 20% в 2006 году [Moseley, 2009].

Следовательно, нынешний глобальный финансово-экономический кризис является завершающей фазой длительного исторического периода, в котором перепроизводство наблюдается со времен экономического кризиса конца 1960-х — начала 1970-х годов. Подобные кризисы являются заключительным моментом периодической модели капиталистического развития, в которой длительные подъемы (как, например, период 1945–1973 годов), связанные с существованием устойчивых моделей накопления, сменяются длительными спадами (как, например, с начала 1970-х до настоящего времени). На этой завершающей стадии какой-либо экономический шок может вызвать резкий обвал, как это сделал крах рынка высокорискованных ипотечных кредитов в 2007 году и как более ранние шоки вызывали общие кризисы в 1820-х, 1870-х, 1930-х и 1970-х годах. Например, наступлению Великой депрессии 1930-х годов предшествовала финансовая спекуляция, но именно фундаментально неустойчивое состояние экономики, уже сложившееся к 1929 году, привело к тому, что биржевой крах вызвал глубокий экономический кризис. Нечто подобное происходит и в настоящее время. Поэтому ограничиваться рассмотрением кризиса, начавшегося в 2008-м, только с точки зрения краткосрочной конъюнктуры, сложившейся к этому году, означает игнорировать сложный исторический процесс, истоки которого могут быть отнесены к началу 1970-х годов. В основе этого процесса лежит динамика капиталистического накопления. Различные исторические факторы, процессы и события опосредуют имманентную логику развития капитализма и формируют долгосрочную конъюнктуру, определяющую динамику особого исторического периода развития капитализма. Следовательно, чтобы ответить на вопрос, как и почему возник нынешний глобальный финансово-экономический кризис, ведущий к ломке глобального капиталистического порядка и угрожающий человечеству длительными депрессиями и войнами, необходимо рассмотреть структурные противоречия капиталистической системы, порождаемые ими кризисные тенденции и то, как они проявлялись, складывались в долгосрочную историческую конъюнктуру, определяющей стадию капиталистического развития, начавшуюся в 1970-х годах.

Структурно-исторические тенденции капиталистического накопления

Когда мы начинаем осмысливать современный глобальный кризис, не лишним будет вспомнить одно мнение американского социолога-веберианца Р.Коллинза: “Несмотря на наше знание многих дисциплин и прославление интеллектуального разнообразия, мы имеем тот случай, когда ... одна из теорий на голову выше других в том, что касается кризисных механизмов и направлений долгосрочных структурных изменений”. Эта теория — марксизм (см.: [Коллинз, 2009: с. 196]). С точки зрения марксизма, капитализм представляет собой общественную систему, движущей силой которой явля-

ется стремление к прибыли и накопление капитала, непрерывное самовозрастание стоимости, посредством присвоения прибавочной стоимости, производимой классом непосредственных производителей и возникающей из разницы между стоимостью рабочей силы рабочего и стоимостью, которую создает рабочий в процессе производства. Процесс непрерывного накопления капитала характеризуется глубокими внутренними противоречиями, которые составляют движущую силу развития капитализма и одновременно порождают ряд его кризисных тенденций. Таким образом, марксизм видит причину кризисов в действии внутренних механизмов капиталистической системы. Вследствие этого капитализм вообще можно рассматривать как систему с имманентно присущей ей тенденцией к перепроизводству и стагнации, что обусловлено логикой ее развития и функционирования.

Маркс не завершил создание единой теории кризиса. И в марксистской литературе, посвященной теории капиталистического воспроизводства, при анализе кризисов акценты делаются на различных порождающих их механизмах, таких как закон тенденции средней нормы прибыли к понижению, недопотребление, перенакопление капитала, перепроизводство, возникновение переизбытка производственных мощностей, переинвестирование, нарушение пропорций между различными подразделениями общественного производства и т.д. Однако в Марксовом наследии имеются важные указания на то, что ключевым механизмом, генерирующим кризисные структурные тенденции капитализма, является действие выявленного К.Марксом закона тенденции средней нормы прибыли к понижению. Сам Маркс рассматривал его как наиболее важный закон современной политической экономии. Если коротко, суть данного закона сводится к тому, что развитие производительных сил при капитализме, технический прогресс влечет за собой возникновение тенденции к снижению средней нормы прибыли. В долгосрочной перспективе это подрывает возможность продолжения накопления капитала и лишает существование капитализма его исторических оправданий. Более конкретно механизм действия указанной тенденции выглядит следующим образом.

Как известно, источником капиталистической прибыли является прибавочная стоимость, реализуемая на рынке. В процессе накопления капитала реализация растущей прибавочной стоимости требует расширения рынка, одним из источников которого выступает рост реальной заработной платы в соответствии с ростом производительности труда. Но это вступает в противоречие с другим аспектом накопления капитала. Сама прибавочная стоимость проистекает из разницы величин между оплаченной и неоплаченной частью рабочего времени. Чем выше доля прибавочного труда, по сравнению с долей необходимого труда, тем выше прибавочная стоимость. Отсюда проистекает стремление капиталистов к снижению издержек производства путем снижения необходимого труда по сравнению с прибавочным. Для этого, с одной стороны, капитал сдерживает рост реальной заработной платы, то есть усиливает эксплуатацию рабочих, что ведет к снижению платежеспособного спроса рабочих. С другой стороны, он создает новые методы производства, увеличивающие производительность труда, а следовательно, прибавочную стоимость. К увеличению производства за счет введения новых средств производства на основе новых технологий, снижающих издержки и повышающих производительность труда, капиталистов побуждает также конкуренция. Введение новых средств производства повышает эффективность про-

изводства и конкурентоспособность капиталистических предпринимателей, осуществивших обновление основного капитала, повышает их индивидуальную прибыль. Однако по мере его обновления во всей экономике происходит сокращение массы прибавочной стоимости.

Применение новых машин и технологий, повышая техническое строение капитала, приводит к росту его органического строения. Это означает, что накопление капитала характеризуется постоянным увеличением доли капитала, инвестируемого в средства производства относительно доли, инвестируемой в рабочую силу, то есть увеличением доли постоянного капитала относительно переменного. Поскольку рабочая сила является единственным источником стоимости и прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость должна увеличивать возросшую массу капитала, уменьшение количества применяемой рабочей силы означает, что высокотехнологический капитал создает меньшую прибавочную стоимость. Иначе говоря, в возросшем количестве потребительных стоимостей теперь воплощается меньшее количество прибавочной стоимости. Следовательно, норма прибыли снижается. Рост производительности труда и снижение нормы прибыли являются двумя сторонами одного и того же процесса накопления капитала. Следует отметить, что падает именно норма, а не масса прибыли. Последняя может возрасти, даже если первая падает. Возникает ситуация, при которой часть капиталистов не в состоянии получать среднюю прибыль или прибавочную стоимость, достаточную для воспроизводства капитала. То есть значительная масса капитала, возникшая в процессе накопления, не может быть прибыльно реализована. Это свидетельствует о возникновении перенакопления капитала.

Таким образом, расширение капиталистического производства, то есть сам процесс капиталистического накопления, порождает тенденцию нормы прибыли к понижению, преодолевать которую становится все сложнее. Это именно тенденция в том смысле, что ее действие опосредуется действием противодействующих факторов. Один и тот же процесс — технический прогресс, обновление основного капитала — является источником как указанной тенденции, так и контртенденций, задерживающих или приостанавливающих ее действие. Ибо капитал стремится преодолеть тенденцию нормы прибыли к понижению, развивая новые методы производства, которые позволили бы увеличить прибавочную стоимость. Это позволяет создать условия для восстановления или даже увеличения нормы прибыли. К этим условиям относятся усиление эксплуатации, позволяющее увеличить норму прибавочной стоимости, увеличение производства относительной прибавочной стоимости, например посредством ускорения работы, или увеличение производства абсолютной прибавочной стоимости за счет увеличения продолжительности рабочего дня, удешевление элементов постоянного капитала, оплата рабочей силы ниже ее стоимости, относительное перенаселение и увеличение резервной армии труда, завоевание новых рынков. Однако чем более технологический прогресс повышает производительность труда и снижает количество живого труда, тем труднее становится увеличивать массу прибавочной стоимости на величину, достаточную для сохранения общей нормы прибыли. Результатом является преодоление контртенденций усиливающейся тенденцией средней нормы прибыли к понижению. Понижение нормы прибыли можно было бы компенсировать увеличением массы прибыли, для чего необходимо расширение производства.

Однако пределом увеличения последнего является ограниченность платежеспособного спроса, который отстает от роста производства. В результате расширения производства без учета границ рынка происходит нарушение пропорциональности различных элементов воспроизводственного процесса, и из формальной возможности кризис превращается в действительность.

Таким образом, возникает кризис перенакопления, двумя сторонами которого являются перепроизводство на одном полюсе и недопотребление на другом. Основной проблемой в этих условиях становится найти способ поглощения избыточного капитала, то есть новых дополнительных сфер прибыльного применения капитала, которые удерживали бы систему от погружения в кризис. Учитывая действие тенденции средней нормы прибыли к снижению, можно согласиться с представителями марксистской школы журнала "Monthly Review", что естественной тенденцией развития капитализма является именно тенденция к стагнации. С этой точки зрения периодические кризисы перенакопления представляют собой не столько временные перерывы в процессе ускоренного накопления и экономического роста, сколько проявление растущих долгосрочных ограничений накопления капитала. Хроническое перенакопление в производстве ограничивает накопление капитала, сокращая прибыли, ожидаемые от новых инвестиций, и готовность осуществлять новые капиталовложения.

Чтобы продолжить рост, капиталистическая экономика должна постоянно изыскивать новые источники увеличения прибавочной стоимости. Без крупномасштабных эпохальных инноваций, способных трансформировать и стимулировать экономику, капиталистическая система может пребывать в состоянии стагнации неопределенно долгое время.

В истории капитализма длительные периоды устойчивого экономического роста инициировались комбинацией исторически обусловленных факторов, совокупность которых порождала уникальные способы преодоления тенденций к стагнации. Эти факторы включали в себя рост военных расходов и военной промышленности в ходе подготовки и ведения войн; разрушение экономики и ее восстановление в послевоенный период; открытие новых рынков, источников сырья и рабочей силы посредством включения в мировое капиталистическое хозяйство (МКХ) и периферизации в его рамках новых географических зон в ходе колониальной экспансии или приобретения сфер влияния; технологические и организационные инновации, предполагающие крупные инвестиции капитала и создание нового типа инфраструктуры; новые деловые практики; создание новых социальных и экономических структур, обеспечивавших осуществление определенной социальной и экономической политики; новые формы взаимосвязи между ядром и периферией как двумя частями единого МКХ. Образование сложного комплекса взаимосвязанных социально-классовых сил, форм и моделей социально-классовых отношений, общественных структур, механизмов и институтов, позволявших в итоге преодолевать тенденцию к стагнации, приводило, если их действенность была относительно длительной, к консолидации определенных моделей регулирования или режимов накопления. Иными словами, определенная устойчивая комбинация указанных факторов порождала историческую пространственно-временную конфигурацию МКХ, которая обеспечивала устойчивое накопление капитала и которую, поэтому, можно обозначить термином "исторический режим накопления капитала", если воспользоваться терминологией школы регулирования.

Указанные исторические режимы накопления выводили капитализм на новые пути развития, придавали ему новое дыхание.

Сочетание отмеченных факторов обычно генерировало более или менее длительные особые этапы экономического подъема в развитии капитализма, которые одни исследователи связывали с длинными волнами Кондратьева, другие — с системными циклами накопления капитала, третьи — с существованием особых общественных структур накопления и способов регулирования капиталистической экономики.

В свете изложенного теоретического анализа структурных тенденций процесса капиталистического воспроизводства в следующих статьях будет рассматриваться, каким образом капиталистическое развитие привело к возникновению современного глобального кризиса. При этом важно сравнить нынешний кризис с более ранними периодами значительной нестабильности и кризиса мировой капиталистической системы. Выявление их сходства и различия позволит раскрыть значение современного кризиса, рассматривая его в более широком историческом контексте.

Источники

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI в. / Арриги Дж. — М.: Ин-т обществ. проектирования, 2009. — 456 с.

Арриги Дж. Глобальное правление и гегемония в современной миросистеме / Дж. Арриги // Прогнозис. — 2008. — № 3. — С. 3–18.

Арриги Дж. Динамика кризиса гегемонии / Дж. Арриги // Свободная мысль. — 2005. — № 1. — С. 4–20.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Ф. Бродель. — М.: Прогресс, 1977. — С. 115–141.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности / Бродель Ф. — М.: Прогресс, 1986. — 622 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена / Бродель Ф. — М.: Прогресс, 1988. — 632 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира / Бродель Ф. — М.: Прогресс, 1992. — 679 с.

Валлерстайн И. Изобретение реальности времени пространства: к пониманию нашей исторической системы / И. Валлерстайн // Время мира: альманах; вып. 2: Структура истории / под ред. Н.С. Розова. — Новосибирск: Сибир. хронограф, 2001. — С. 102–117.

Граммши А. Американизм и фордизм // Избранные произведения: в 3 т. / Граммши А. — М.: Иностран. литература, 1959. — Т. 3. — С. 416–456.

Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы / Р. Коллинз // Прогнозис. — 2009. — № 2. — С. 196–209.

Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875 / Хобсбаум Э. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 478 с.

Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914 / Хобсбаум Э. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 544 с.

Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848 / Хобсбаум Э. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. — 480 с.

Aglietta M. Capitalism at the Turn of the Century: Regulation Theory and the Challenge of Social Change / M. Aglietta // New Left Review. — 1998. — Vol. I/232 (Nov.–Dec.). — P. 41–90.

Aglietta M. Phases of US Capitalist Expansion / M. Aglietta // New Left Review. — 1978. — Vol. I/110 (July–Aug.). — P. 17–28.

- Aglietta M.* World Capitalism in the Eighties / M. Aglietta // *New Left Review*. — 1982. — Vol. I/136 (Nov.–Dec.). — P. 5–41.
- Arrighi G.* Hegemony Unraveling–I / G. Arrighi // *New Left Review*. — 2005a. — Vol. II/32 (March–Apr.). — P. 32–80.
- Arrighi G.* Hegemony Unraveling–II / G. Arrighi // *New Left Review*. — 2005b. — Vol. II/33 (May–June). — P. 83–116.
- Arrighi G.* Spatial and Other ‘Fixes’ of Historical Capitalism / G. Arrighi // *Journal of World-Systems Research*. — 2004. — Vol. 10, № 2. — P. 527–539.
- Arrighi G.* The Long Twentieth Century: Money, Power and The Origins of Our Time / Arrighi G. — L. ; N. Y. : Verso, 1994. — 400 p.
- Beaud M.* A History of Capitalism, 1500–2000 / Beaud M. — N. Y. : Monthly Review Press, 2002. — 348 p.
- Brenner R.* The Regulation Approach: Theory and History / R. Brenner, M. Glick // *New Left Review*. — 1991. — Vol. I/188 (July–Aug.). — P. 45–119.
- Callinicos A.* Epoch and Conjuncture in Marxist Political Economy / A. Callinicos // *International Politics*. — 2005. — Vol. 42. — P. 353–363.
- Davis M.* “Fordism” in Crisis: A Review of Michel Aglietta’s “Régulation et crises: L’expérience des Etats-Unis” / M. Davis // *Review (Fernand Braudel Center)*. — 1978. — Vol. 2, № 2. — P. 207–269.
- Duménil G.* Neoliberalism and its crisis [Ressource électronique] / G. Duménil, D. Lévy. — Paris : EconomiX, PSE, 2011. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2011l.pdf>. (2011d).
- Duménil G.* The crisis of neoliberalism as a stepwise process [Ressource électronique] / G. Duménil, D. Lévy. — Paris : EconomiX, PSE, 2011. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2011k.pdf>. (2011c).
- Duménil G.* The crisis of the early 21st century: A critical review of alternative interpretations [Ressource électronique] / G. Duménil, D. Lévy. — Paris : Paris-Jourdan Sciences Économiques, 2011. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2011e.pdf>. (2011a).
- Duménil G.* The crisis of the early 21st century: General Interpretation, Recent Developments, and Perspectives [Ressource électronique] / G. Duménil, D. Lévy. — Paris : Paris-Jourdan Sciences Économiques, 2011. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2011h.pdf>. (2011b).
- Duménil G.* The crisis of the Early 21st century: Marxian Perspectives [Ressource électronique] / G. Duménil, D. Lévy. — Mode of access : <http://www.jourdan.ens.fr/levy/dle2012f.htm>. (2012).
- Dynamics of Global Crisis* / S. Amin, G. Arrighi, A.G. Frank, I. Wallerstein. — N. Y. : Monthly Review Press, 1982. — 248 p.
- Gordon D.* Inside and Outside the Long Swing: The Endogeneity/Exogeneity Debate and the Social Structures of Accumulation Approach / D. Gordon // *Review (Fernand Braudel Center)*. — 1991. — Vol. 14, № 2. — P. 263–312.
- Gordon D.* The Global Economy: New Edifice or Crumbling Foundations? / D. Gordon // *New Left Review*. — 1988. — Vol. I/168 (March–Apr.). — P. 24–64.
- Hobsbawm E.J.* The General Crisis of the European Economy in the 17th Century / E.J. Hobsbawm // *Past & Present*. — 1954b. — № 5. — P. 33–53.
- Hobsbawm E.J.* The Crisis of the 17th Century–II / E.J. Hobsbawm // *Past & Present*. — 1954a. — № 6. — P. 44–65.
- Jessop B.* Regulation theories in retrospect and prospect / B. Jessop // *Economy and Society*. — 1990. — Vol. 19, № 2. — P. 153–216.
- Koivisto J.* Conjuncture, politico-historical / J. Koivisto, M. Lahtinen // *Historical Materialism*. — 2012. — Vol. 20, № 1. — P. 267–277.
- Kotz D.* Neoliberalism and the Social Structure of Accumulation Theory of Long-Run Capital Accumulation / D. Kotz // *Review of Radical Political Economics*. — 2003. — Vol. 35, № 3. — P. 263–270.

Kotz D. The Final Conflict: What Can Cause a System-Threatening Crisis of Capitalism? / D. Kotz // *Science & Society*. — 2010. — Vol. 74, № 3. — P. 362–379.

Kotz D. The Financial and Economic Crisis of 2008: A Systemic Crisis of Neoliberal Capitalism / D. Kotz // *Review of Radical Political Economics*. — 2009. — Vol. 41, № 3. — P. 305–317.

Maclean B. Kôzô Uno's Principles of Political Economy / B. Maclean // *Science & Society*. — 1981. — Vol. 45, № 2. — P. 212–227.

McDonough T. Social Structures of Accumulation: A “Punctuated” View of Embeddedness / T. McDonough // *American Journal of Economics and Sociology*. — 2011. — Vol. 70, № 5. — P. 1234–1247.

Moseley F. The U.S. economic crisis: Causes and solutions [Electronic resource] / F. Moseley. — Access mode : <http://www.isreview.org/issues/64/feat-moseley.shtml> (2009).

Rosenberg J. Globalization Theory: A Post Mortem / J. Rosenberg // *International Politics*. — 2005. — Vol. 42. — P. 2–74.

Tabb W.K. Marxism, Crisis Theory and the Crisis of the Early 21st Century / W.K. Tabb // *Science & Society*. — 2010. — Vol. 74, № 3. — P. 305–323.

The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025 / [T.K. Hopkins, I. Wallerstein (coordinators)]. — L. : Zed Books, 1996. — 278 p.

Trevor-Roper H.R. The General Crisis of the 17th Century / H.R. Trevor-Roper // *Past & Present*. — 1959. — № 16. — P. 31–64.

Wallerstein I. Braudel and Interscience. A preacher to Empty Pews / I. Wallerstein // *Review (Fernand Braudel Center)*. — 2001. — Vol. 24, № 1. — P. 3–12.

Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the World-System / I. Wallerstein // *International Sociology*. — 2000. — Vol. 15, № 2. — P. 249–265.

Wallerstein I. Long Waves as Capitalist Process / I. Wallerstein // *Review (Fernand Braudel Center)*. — 1984. — Vol. 7, № 4. — P. 559–575.

Wallerstein I. SpaceTime as the Basis of Knowledge [Electronic resource] / I. Wallerstein. — Access mode : <http://www2.binghamton.edu/fbc/archive/iwsptm.htm> (s.a.).

Wallerstein I. Structural Crises / I. Wallerstein // *New Left Review*. — 2010. — Vol. II/62 (March–Apr.). — P. 133–142.

Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the European World-Economy in the Sixteenth Century / Wallerstein I. — N. Y. : Academic Press, 1974. — 410 p.

Wallerstein I. The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750 / Wallerstein I. — N. Y. : Academic Press, 1980. — 370 p.

Wallerstein I. The Modern World-System III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy / Wallerstein I. — N. Y. : Academic Press, 1989. — 372 p.

Wallerstein I. The Three Instances of Hegemony in the History of the Capitalist World-Economy / I. Wallerstein // *International Journal of Comparative Sociology*. — 1983. — Vol. 24, № 1–2. — P. 100–108.

Wallerstein I. The Time of Space and the Space of Time: The Future of Social Science / I. Wallerstein // *Political Geography*. — 1998a. — Vol. 17, № 1. — P. 71–82.

Wallerstein I. Time and Duration: The Unexcluded Middle, or Reflections on Braudel and Prigogine / I. Wallerstein // *Thesis Eleven*. — 1998b. — № 54. — P. 79–87.

Wallerstein I. Typology of Crises in the World-System / I. Wallerstein // *Review (Fernand Braudel Center)*. — 1988. — Vol. 11, № 4. — P. 581–598.

Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth Century Paradigms / Wallerstein I. — Cambridge : Polity Press, 1991. — 286 p.

Van Der Pijl K. From Gorbachev to Kosovo: Atlantic rivalries and the re-incorporation of eastern Europe / K. Van Der Pijl // *Review of International Political Economy*. — 2001. — Vol. 8, № 2. — P. 275–310.